

Встреча и поездка Ильи М<уромца> со Святогором, смерть Святогора и освобождение Ильей М<уромцем> Киева от Издолища

Поежджал-де старой да нонь из Киева,
Поежджал где старой дак на цисто полё
Да на то же роздольицо широкоё,
Да на те же на шоломени ровныя,
Да на ровныя шоломя окатисты.
Ище выехал старой да на цисто полё,
Да поехал старой да на Светы горы,
Да наехал старой да как богатыря:
Ище ездил где он да по Светым горам —
Не нёсла где его да коня доброго
Ище мати не нёсла да как сыра земля.
Да сидит на кони да засыпат-сидит.
Да ударыл старой да жалезной палицэй:
Да ударыл старой да как по первой раз,
Да ударыл старой да как по второй раз,
Да ударыл-де старой да нонь по третьей раз.
Овернулсе тут сильней да тут богатырь-от
Да хватил где старого да со добрым конём,
Да засунул где ёго да во глубок корман.
Ище едёт Светыгор да по Светым горам —
Ище конь у его да проступацьсе стал.
Ище бил он коня да по крутым рёбрам,
Ище сам где коню да приговарывал:
«Уж ты конь ле, ты конь, да лошадь добрая,
Ище волцьят ты сыть да травеной мешок!
Ище що же ты у меня да проступаиссе:
Иле слышил незгуду да мне великую?»
То сказал ему конь да руським язьком:
«Не один ты сидишь, да как в кормани есь!»
Ище сунул богатырь да руку правую,
Ище вытянул из кормана старого со добрым конём.
Ище едут они да разговор ведут.

Ище тут где-ка старой да ёму хресник был,
Окрепил где-ка руку да нонь на хрёсного.
Говорыл Светыгор да таково слово:
«Ище много я ежджу да по Святым горам,
Не видал где себе да супротивника.
А да утвержоно бы кольцо да во сыру землю —
Повёрнул бы я треть да мать сырой земли.
На небеса была нонь да бы как лисвиця —
Да с небесною силой да я бы сведалсе,
Ище сведалсэ с ей да переведалсэ!»
Да не в то ле как время да нонь не в ту пору
Да идёт где старик да нонь седатой-от,
Ище весь где старик да исутулилсэ;
Да несёт где старик да нонь три ташоцьки,
Да одну-ту ведь ташку да уронил с плеча.
Говорил где старик да таково слово:
«Ты соскакивай-ко, сильней удалой доброй молодець,
Ты соскакивай нонь да со добра коня;
Ты подыми-ко у мя ташку на могучо плечо!»
Да соскакивал Святыгор да со добра коня
Да хватил ету ташку да единой рукой —
Да не мог где-ка нонь да оторвати нонь
Да от той же земли да ноне матери.
Да хватил-де где-ка нонь да в обе руки ей —
По колен-де осел да во сыру землю.
Да не в то времё нонь да не в ту пору
Да подсунули ему плиту жалезную.
Говорил где седатой таково слово:
«Ище езди нонь, молодець, не хвастай нонь:
Ище в этой где ташки да нонь как — треть земли!»
Посадились они да на добрых коней
Да поехали они да как прямым путём, —
Ище строят домовищо да белодубово.
Приезджали где они да к добрым молоццам,
Да давали бы они да как Божью помóшь.
Говорил Святогор да таково слово:
«Да кака у вас идёт да ноне заработка?»
Отвецяли бы ему да таково слово:
«Ище ездит-де нонь да на цистых полях,

Да названьё ему, да добру молоцьцю,
По названью, где он да ноне, — Святыгор.
Про ёго-де роботам домовищо белодубово!»
Говорыл где Светыгор да таково слово:
«Уж вы как где-ка нонь да как вы знаите,
Да велико ле мало, да как пример нонь взять?»
Да соскакивал он нонь со добра коня
Да ложилса в домовищо да белодубово.
И закрывали дошочки белодубовы;
Говорили бы они да таково слово:
«Ище лёг, дак тепереце не выйдёшь нонь».
Говорыл Светыгор да таково слово:
«Ростяну ведь я нонь да ногу правую —
Да улетят ведь ваши нонь укрепления все!
Да роскину ведь я нонь руку правую —
Росшибу я домовищо белодубово!».
Говорили бы строители таково слово:
«Ище мошь ле ведь ноне да как подёствовать?»
Ростенул-де ведь нонь да ногу правую —
Как права-та нога да нонь не дёстуёт.
Ростянул где Святыгор да руку правую —
Как права-та рука да нонь не дёстуёт.
Говорыл Светыгор таково слово:
«Уж ты ой еси, Илеюшка ты Мурамец!
Ухвати-тко-се палицу буёвую,
Розбивай домовищо да белодубово!»
Тому слову где старой да не ослышилсэ:
Ухватил он ведь палицу буёвую,
Как ударыл домовищо да белодубово.
Как ударыл где старой — да обруць наковал.
Как ударыл где старой да ноне второй раз —
Ище второй ноне обруч да ведь как наковал.
Как ударыл старой-от да ноне треть-ёт раз —
Ище треть-ет старой да обруць наковал.
Загорело у старого да ретиво серцо,
Росходились у старого да могучи плеча —
Заковал домовищо да белодубово.
Ище тут Святыгору да не бывать на Руси,
Не видать Святыгору да свету белого.

Говорил Светыгор да таково слово:
«Уж ты ой еси, стар казак Илья Муромец!
Да пойдёт где у меня да пена жолтая —
Ище ту где пену да здолой сгреби;
Да пойдёт где у мня да пена смёртная —
Ище ту ноне пену да как здолой сгреби;
Ище третья пойдёт да пена белая —
Ище ту же нонь пену да как три раз лизни:
Ище той где нонь силы будёт довольнё ей!»
Да слизал где эту пену да Илья Мурамец,
Да слизал эту пену да ноне белую —
Ище стало у его силы вдвоём-втроём.
Ище тут-де старой да розосталсэ с им;
Да пошол где старой да во цисто полё,
Поимал где своёго да коня доброго,
Да садилсэ старой да на добра коня —
У добра коня подломилась как хребётна кость.
Да пошол где старой да нонь пехотою.
Да идёт где старой да по городу по Киеву —
Ище стретилась калика да перехожая,
Перехожая калика да переброжая.
Ище стал-де старой да калику нонь пошиньгивать,
Да пошиньгивать, над ей да стал пошуцивать.
Говорыл бы калика да таково слово:
«Уж ты ой еси, старой казак Илья Муромец!
Ты не знашь, що нонь в Киеве у нас деицьсе?
Да приехало Издолищо проклятоё,
У кнегинушки Опраксеи доржит руки в пазухи,
Ище князя-та Владимира он в замки садил.
Запретило бы оно да просить милостину,
Запретило бы оно просить для всех богов:
Ище просят для поганого Издолища!..
Ище дай мне-ка платье да богатырьскоё,
А возьми-тко-се платье да нонь калицкоё!..»
Тому слову где старой да не ослышилсэ:
Одевал он ведь платье да нонь калицкоё,
Да пошол где старой да в стольне Киев-град.
Приходил где старой да ко светлой грыни,
Да крычал где старой да громким голосом —

Попросил ведь старой да он ведь милостину
Ище ради Христа, Чаря Небесного,
Ище ради нонь Спаса да как Пречистого.
Услыхало Издолищо проклятоё,
Говорило бы оно да таково слово:
«Не больша она калика, да громогласна нонь —
Вы ведите калику да во светлу грыню!»
Заходил где старой да во светлу грыню,
Становилсэ у пеценьки кирпичьнее.
Ище тут-де Издолищо розговаривал:
«Ты откуль идёшь, калика, да откуль прависсе?»
Говорил где старой да таково слово:
«Я иду где топере да из циста поля». —
«Ище где же ты видал да его, старого,
Ище старого ты его, седатого?..»
Отвецял где старой казак Илья Муромець:
«Ище знам где мы его довольнё нонь;
Ище наш где старой да не велик в росту!»
Говорил где невежа да таково слово:
«Ище много ле старой да можот дёствовать?
Ище я ле нонь съедаю да полтара быка,
Ище я столько выпиваю да пива пьяного,
Ище столько приедаю да мёду сладкого!»
Отвецял где старой да ему напрямую:
«Как у нашего было да нонь у батюшка
Да была-де поварня да испостроёна,
Да варили они тут да пива пьяноё;
Да корова-та была да нонь обжорыста,
Обжоралась оловины да ею лопнула.
Не узнашь, Вам ведь нонь да как смерть прыдёт!»
Ище туг как Издолищу за беду стало,
За велику-ту досаду да показалосе;
Да вlepил ёго вилками булатныма.
Тому делу старой да как догадлив был;
Увёрнулса он к пецьки нонь кирпичьнеей —
Улетели ети вилки, да как простенок вон.
Говорыл где старой да таково слово:
«Уж ты ой еси, невежа да ты не руськая!
Да как кинул меня, да не вертись нонь сам!»

Да снимал он, старой, да шляпу-ту калицькую,
Да вlepил он проклятого Издолища —
Да слетела у его да буйна голова,
Ище вышиб нонь он да как простенок весь:
Улетело всё на улицу широкую.
Да хватил где старой да ето тулово,
Да выбрасывал ведь он на широку улицу.
Ище тут у Издолища славы поют.

(Зап. А. Д. Григорьевым 6 августа 1901 г.: д. Большие Нисогоры — от Мартынова Александра Михайловича, по прозвищу Олёкса Большой (из д. Малые Нисогоры), 73 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. С напевами, записанными посредством фонографа. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.